

Пушкин А. С.

Тазит

БЭК

«Тазит» – незавершенная поэма великого русского поэта, драматурга, прозаика, создателя современного русского литературного языка Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837). Написана в 1829-1830 годы. Впервые опубликована в 1837 году после смерти Пушкина в журнале «Современник».

Основная проблема поэмы «Тазит» – национальная, о которой Пушкин много размышлял во время путешествия на Кавказ летом 1829 года. Произведение посвящено теме поиска путей сближения кавказских народов с русским. Пушкин предполагал, что сближению могут способствовать развитие экономических связей и распространение на Кавказе христианства – более гуманной, с точки зрения писателя, религии, которая могла бы смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи. В поэме «Тазит», как бы проверяя эту мысль, Пушкин рисует реальную картину столкновения новой для Кавказа, христианской морали с суровым бытом и понятиями горцев, показывает трагические последствия этого столкновения.

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смирная молча пыл коней...
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Спажен наездник молодой

Сражен наследник молодой,
Там ныне тень могилы холодной
Воспримет труп его немой...

Уж труп землею взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнул. Смотрит торопливо
Гасуб на отрока. Газит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Гасуб любясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

* * *

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

Но отец

Уже Тазитом недоволен.
«Где ж, — мыслит он, — в нем плод наук,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

* * *

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

О т е ц

Где был ты, сын?

С ы н

В ущелье скал,
Где прорван каменистый берег,
И путь открыт на Дариял.

О т е ц

Что делал там?

С ы н

Я слушал Терек.

О т е ц

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

С ы н

Видал я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

О т е ц

Он был со стражей?

С ы н

Нет, один.

О т е ц

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса? —

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

* * *

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

О т е ц

Где был?

Сын

За белою горой.

Отец

Кого ты встретил?

Сын

На кургане
От нас бежавшего раба.

Отец

О милосердая судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил? —

Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
«Нет, — мыслит он, — не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают золото.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».

Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
«Где был ты?»

Сын

Около станиц
Кубани, близ лесных границ.

О т е ц

Кого ты видел?

С ы н

Супостата.

О т е ц

Кого? кого?

С ы н

Убийцу брата.

О т е ц

Убийцу сына моего!..
Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

С ы н

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

О т е ц

Ты долга крови не забыл!..
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем...
Где ж голова?.. подай... нет сил...

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты... Беги... беги скорей,
Не оскверняй моих очей!»

Сказал и на земь лег — и очи
Закрыл. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал,
Никто ему не отвечал...

* * *

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.
Волками юнца паченцы

Сервами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелюю шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятенье, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря —
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря —
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованый кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден — но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,

Твоим сынам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

⟨1829–1830⟩

Из ранних редакций

В черновике поэма имела продолжение:

Но с неприязненной думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,
Махнул рукой и отвечал:
«Ты мой рассудок искушаешь,
Иль испытуя, иль шутя...
Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя
Тому, кто в бой вступить не смеет,
Кто робок даже пред рабом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто изгнан и проклят отцом?
Ступай, оставь меня в покое!» —
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор.
Тазит сокрылся. С этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не подымал несчастный взора.
Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный,
Настала ночь и снова день
вечер хладный и туманный
по горам
Он как сайгак чрез бездны скачет
То
Сидит печальный, одинокий...

Первоначально Пушкин задумал написать свою поэму в другом размере. От этого замысла сохранились наброски начальных стихов:

Не для тайного совета,
Не для битвы до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Ночью съехались адехи
К сакле старика.
Хищник смелый, сын Гасуба,
Вся надежда старика,
Близ развалин Татартуба
Пал от пули казака.